

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.9>

Меркушов Станислав Фёдорович

АБСУРДИСТСКАЯ ДЕСТРУКЦИЯ СОВЕТСКОГО ДИСКУРСА В РАННЕЙ ПРОЗЕ В. Г. СОРОКИНА

В статье на примере нескольких рассказов сборника "Первый субботник" (1984 г.) раскрывается восприятие В. Г. Сорокиным природы советского абсурда в его разнообразных проявлениях. Оно опосредуется путем разрушения тотальности советского дискурса посредством широкого применения характерных художественных приемов абсурдистики. Доказывается, что в результате такая рецепция советской тематики может предполагать возникновение в читательском сознании эффекта катарсиса, а также обуславливать экспликацию метатекста, заключающего в себе поиск и утверждение онтологических и аксиологических смыслов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/9/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 9. С. 45-49. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

7. **Кириллова Е. О.** Ориентальные темы, образы, мотивы в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (Б. М. Юльский, Н. А. Байков, М. В. Щербаков, Е. Е. Яшнов). Владивосток: Дальневост. федер. ун-т, 2015. 276 с.
8. **Крившенко С. Ф.** Писатели Приморья. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2006. 240 с.
9. **Мечковская Н. Б.** Язык и религия. М.: ФАИР, 1998. 352 с.
10. **Мукри** [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/387489> (дата обращения: 15.01.2018).
11. **Торчинов Е. А.** Введение в буддологию. СПб.: С.-Петерб. филос. о-во, 2000. 304 с.
12. **Шавкунов Э. В.** Культура чжурчжэней-удигэ XII-XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1990. 282 с.
13. **Щербак С.** Буддизм: история, философия, доктрина, практика [Электронный ресурс]: интернет-курс. URL: <https://magisteria.ru/category/buddhism/> (дата обращения: 17.01.2018).

**SPIRITUAL AND RELIGIOUS BASIS
OF THE NARRATIVE BY THE FAR EASTERN WRITER S. P. BALABIN “BORN FROM LOTUS”**

Kirillova Elena Olegovna, Ph. D. in Philology
*Far Eastern Federal University, Vladivostok
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East
of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok
sevia@rambler.ru*

Feshchenko Dmitrii Sergeevich
*Far Eastern Federal University, Vladivostok
dm_bbk@bk.ru*

The article is devoted to analyzing the second part of S. P. Balabin's historical novel-dilogy "The Golden Empire". The research is based on the vast amount of mytho-poetical and theological material; special attention is paid to spiritual and religious conceptions, which formed the basis of the novel "Born from Lotus". The authors consider close interweaving of the eastern religious doctrines (Buddhism, Taoism) with the traditional Jurchen religious and mythological conceptions including conceptions of nature (shamanism, animism). It is shown that confrontation of two forces – attackers and defenders – is described within philosophical and religious discourse, the elements of mytho-poetics and expressive artistic means are interweaved into the story.

Key words and phrases: S. P. Balabin; "Born from Lotus"; spiritual and religious basis; mytho-poetical images; The Golden Empire of Jurchen; Far Eastern literature.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 21.06.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.9>

В статье на примере нескольких рассказов сборника «Первый субботник» (1984 г.) раскрывается восприятие В. Г. Сорокиным природы советского абсурда в его разнообразных проявлениях. Оно опосредуется путем разрушения тотальности советского дискурса посредством широкого применения характерных художественных приемов абсурдистики. Доказывается, что в результате такая рецепция советской тематики может предполагать возникновение в читательском сознании эффекта катарсиса, а также обуславливать экспликацию метатекста, заключающего в себе поиск и утверждение онтологических и аксиологических смыслов.

Ключевые слова и фразы: В. Г. Сорокин; «Первый субботник»; абсурд; деконструкция; дискурс.

Меркушов Станислав Фёдорович, к. филол. н.
*Тверской государственный университет
stas2305@gmail.com*

**АБСУРДИСТСКАЯ ДЕСТРУКЦИЯ СОВЕТСКОГО ДИСКУРСА
В РАННЕЙ ПРОЗЕ В. Г. СОРОКИНА**

На раннем этапе литературной деятельности В. Г. Сорокин понял главное предназначение своего творчества и его содержание. По справедливому замечанию исследователя М. П. Марусенкова, подкрепленному любопытным экскурсом в мастерскую самых первых литературных опытов писателя (в частности о рассказах «Тетерев» и «Яблоки»), «эротическая и фантастическая тематика» с «гротескной образностью» [7, с. 43] характерна была для его текстов с самого начала. «Мои вещи жёстко конструированы, внутри у них хорошо сбалансированные схемы. Это такие супермагические изделия. Людям аналитического ума их приятно разглядывать. Моя проза связана с русским театром абсурда, и в этом смысле я представляю русскую метафизику. А потом, мне говорили об этом западные слависты, мою литературу интересно интерпретировать», – в таком ключе В. Г. Сорокин определял специфику своего творчества [12]. Также стоит привести важные,

на наш взгляд, пассажи из его ранних интервью: «Я постоянно работаю с пограничными зонами, где тело вторгается в текст...» [11, с. 123]. Или: «...наш чудовищный советский мир имеет собственную неповторимую эстетику, которую очень интересно разрабатывать...» [15, с. 119]. Между тем частотность подобных высказываний писателя о своем творчестве остается без внимания литературоведов и историков литературы, и абсурдистский дискурс в его произведениях периода конца XX – XXI в. остается малоизученной сферой (в основном исследованием его занимался М. П. Марусенков (особенно значительна в этом отношении его книга «Абсурдопедия русской жизни Владимира Сорокина. Заумь, гротеск и абсурд», 2012 г.)). В этой связи исследование абсурдистской тематики и проблематики текстов В. Г. Сорокина 1980-х гг. **актуализируется** в настоящей статье. **Цель** ее – в раскрытии сущностной рецепции категории абсурда в раннем творчестве писателя. **Научная новизна** определяется задачами характеристики методологии применения специфических для абсурда приемов – как деструктивных, с одной стороны, и конструктивных – с другой. Ранние тексты В. Г. Сорокина апеллируют к советскому дискурсу, деконструкция которого не только позволяет писателю проникать в глубинные области читательского сознания и приближает к конструктивному пониманию необходимости аналитики жизненного устройства сквозь призму его пороговых модусов. Тем самым обусловливается катарсическая в широком смысле природа его давних произведений.

В характере прозы В. Г. Сорокина всегда доминировала абсурдность и как главенствующий прием, и как структурный базис. Абсурдность его текстов 1980-1990-х гг. опосредована их особым конструированием, мировоззренческий сдвиг сознания индивида в ней не только репрезентирован, но он постепенно совершается и в сознании читателя. Прорыв в ужасное, в хаос и абсурд, происходит у писателя неожиданно и представляет собой в некотором роде скачок в «телесное» либо в «естественное». Это способ разрушения метатекста: сначала рисуются картины, вроде бы не предвещающие ничего странного. Затем происходит неожиданный резкий поворот, слом уже выстроенной, знакомой всем реальности. Например, роман «Сердца четырех» начинается с того, что пенсионер-фронтовик высказывается по поводу выброшенного подростком батона. Заканчивается все тем самым внезапным как бы взрывом действительности и, как нередко у В. Г. Сорокина, попыткой совершения сексуальной девиации. В иных текстах писателя как вариант возможен поворот в сторону естественных отклонений или аффективно-невротического психоза («Первый субботник», «Русская бабушка» и др.). Обценная лексика, бессмысленные словосочетания (рассказы сборника «Первый субботник»), повторяющиеся на нескольких страницах буквы и цифры (роман «Норма») внедряются в текст с целью вскрытия абсурдности отправной ситуации и обличения и разрушения любого тотального дискурса (в данных случаях жанровостилевых пластов литературы социалистического реализма). Советская (и бытийная) абсурдность транслируется и на образном уровне (попытки упорядочения хаоса служат лишь его интенсификации («Очередь»)).

Новеллы сборника «Первый субботник» по традиции интерпретируются большинством исследователей как концептуалистские тексты, в которых деконструируется советский дискурс, происходит разрушение его тотальности другой тотальностью – тотальностью гипертрофированного натуралистического шизоидного абсурда [2; 18]. Между тем отдельные ученые, оставаясь в русле такой трактовки, открывают в ней и некоторые иные уровни.

Стоит отметить, что В. Г. Сорокин мастерски работает в разнообразных дискурсах. В текстах сборника синтезируются различные типы дискурса, выделяемые в рамках двух основных (по В. И. Карасику [3, с. 5]) – персонального и институционального: публицистический, юридический, деловой, административный, мистический, бытовой и др. При этом очевидно, что сорокинский нарратив преодолевает всякие дискурсивные границы, стремясь «распространить себя за пределы самой “авангардной парадигмы”» [8, с. 189]. Разные варианты дискурса у В. Г. Сорокина (как в данном сборнике, так и в других текстах первой половины творчества писателя, условно назовем ее «деструкцией дискурсивной тотальности» (советский дискурс в романах «Очередь», «Норма», «Тридцатая любовь Марины» или классический, тургеневский дискурс в «Романе», позже – другие конкретные авторские дискурсы в «Голубом сале»)) являются для него, в итоге, искусственно созданной навязанной тотальной конструкцией.

Весьма любопытная интерпретация текстов «Первого субботника» предлагается в работе Н. П. Беневоленской [1]. Анализируя отмечаемый всеми исследователями характерный сорокинский конструктивный принцип, при котором нарративная логика базируется на резких интонационных, сюжетных и семантических сломах, т.н. «концептуальных взрывах», Н. П. Беневоленская выделяет особую его модификацию – загадочные мистические ритуальные акции. Они, по мнению исследователя, «обнаруживают общую природу, связанную с преодолением “человеческой” формы – как в духовно-нравственном, так и в сугубо физиологическом смысле» [Там же, с. 129, 132]. Творчество В. Г. Сорокина до «Ледяной трилогии», с ее точки зрения, – «апология духовно-мистического преображения человека и одновременно ее развенчание», носящее «эзотерический и пародийно-иронический характер» [Там же, с. 138]. Верное в целом понимание художественной парадигмы В. Г. Сорокина на момент написания цитируемой работы (2009 г.), в том числе и правильное направление исследовательской мысли в плане перспектив дальнейшей эволюции его творческого метода, всё же не могут быть окончательной аналитической резолюцией относительно ранних его произведений [Там же, с. 129-138]. На наш взгляд, ранние дискурсивные стратегии писателя связаны с понятием катарсиса, но не только лишь в традиционном для литературы смысле (эстетика Аристотеля), а в значении психологического процесса, при котором происходит «высвобождение психической энергии, что способствует уменьшению внутренних конфликтов личности с помощью их вербализации и телесной экспрессии» [10, с. 94]. С таким пониманием сопряжена рецепция В. Г. Сорокина исследователем А. В. Щербенком [18], рассматривающим кризис диалектики его

исторического сознания с точки зрения психоаналитической теории травмы (З. Фрейд [16], затем Ж. Лапланш, Ж.-Б. Понталис [6] и К. Карут [21]). На наш взгляд, ранние тексты В. Г. Сорокина являют собой попытку через изображение характерных катарсических высокоэнергетических выплесков (указанные выше знаменитые сорокинские приемы) показать потенциал не столько негативно-позитивного [1] преодоления человеческого, сколько возможность путем выхода из себя парадоксального возврата к себе, в свое естество, которое было похищено в советское время. Иными словами, в ранней прозе В. Г. Сорокина, с нашей точки зрения, применяется оригинальная методика достижения освобождения от культурно-литературного гнета советской эпохи с помощью особых экстремальных художественных средств и приемов, генетически коррелирующих с абсурдистскими. Кроме того, демонстрация шокирующего, запредельного «литературного шоу» (термин А. В. Суворова [14]) позволяет писателю выйти за «советские» рамки и вывести персонажей и читателей за грань социальной и цивилизационной конвенциональности и условностей вообще, вернуть их к доцивилизационной целостности. И в этом отношении мы не согласны с исследователями, утверждающими, что «читатель не может идентифицировать себя с персонажами произведения (В. Г. Сорокина. – С. М.), оставаясь... сторонним наблюдателем вымышленной конструкции» (П. Дойчман «Повествовательный дискурс в прозе Сорокина» [Цит. по: 5]). Кроме того, выражаемое исследователем Г. Риттером восприятие художественных произведений Ж. Батая с точки зрения присущих последнему «трансгрессии, экстатического выхода за пределы, преодоления запретного» [22, S. 39] коррелирует, как увидим далее, и с творчеством В. Г. Сорокина, конгениального, на наш взгляд, названному французскому философу и писателю.

В рассказе «Соревнование» В. Г. Сорокин экспериментирует с расхожим сюжетом производственной литературы, который можно обозначить как «социалистическое соревнование». Начавшись вполне безобидно как диалог двух лесорубов – Лохова и Будзюка, рассказ перерастает свои кажущиеся дискурсивные границы, сквозь эстетику Д. Хармса реконструируясь в мистическую архаику, связанную с шаманскими экстатическими состояниями и ритуальными действиями. Сюжетная линия после «взрыва реальности», проявленного через убийство Лоховым Будзюка и повторяющееся его бормотание «Теперь я посоревнуемся... посоревнуемся...» [13, с. 24], ведет к раскрытию шаманской «техники экстаза» (терминология М. Элиаде [19]), выражающейся через образ третьего мальчика, получившего удар в живот, погрузивший его в транс. В этом иллюстрируемом потоком сознания трансэ мальчик, согласно специфике «опытов вне тела», путешествует в «нижний мир», опосредуемый в тексте через лексические формы «толстое сало», «яма», «погреб», «гной», «пирамидка»; затем – в «верхний», эксплицируемый через возвышенную лексику («золотоносные просторы», «белокурые отроки», «среброликие старцы», «фиолетовый лабиринт смерти», «чертоги», «скрижали», «вечность» и т.п.) и троичное повторение глагольных форм. Думается, этот персонаж может быть персонификацией читателя, воспринимающего магическое авторское послание-заклинание, целью которого представляется попытка т.н. «смещения его точки сборки» (думается, именно этот термин шамана Хуана Матуса здесь подходит лучше всего: «– Следующая истина состоит в том, – продолжил дон Хуан, – что восприятие возможно благодаря точке сборки – особому образованию, функция которого заключается в подборе внутренних и внешних эманаций, подлежащих настройке. Конкретный вариант настройки, который мы воспринимаем как мир, являясь результатом того, в каком месте кокона находится точка сборки в данный момент» [4, с. 251]). Помимо этого, в данном рассказе (а также в «Кисет», «Обелиск», «Памятник») и конкретно в шаманском потоке сознания уже содержатся в зачаточном состоянии будущие образы последующих крупных произведений В. Г. Сорокина («Сердца четырех», «Голубое сало», «Ледяная трилогия»).

Природа символического и психологического соединения персонажа и читателя особенно отчетливо просматривается в рассказе «Желудевая падь», построенном на диалоге деда-фронтовика и внука в лесу в местечке под одноименным с текстуальным названием. В самый важный момент своего повествования о погибшем в войну здесь друге, дед вдруг начинает блять. Внук недвусмысленно пугается: «Сашка недоумевающе уставился на него.

Дед вытянул перед собой руку с трубкой, качнулся и пошел по папоротникам, бляя и трясясь.

– Дедуль... дедуль... – прошептал бледный Сашка, привставая» [13, с. 35]. Читатель подсознательно ассоциирует себя с внуком, поставленным дедом-автором в стрессовую ситуацию, обусловленную критическим нарушением причинно-следственных связей, влекущим нарушение привычной психической работы организма. Здесь В. Г. Сорокин также близок к хармсовской поэтике, а также к метафизике страха (ср., с басней Хармса о «волшебнице»: «Читатель, вдумайся в эту басню, и тебе станет не по себе» [17, с. 260]).

Всё это отчасти коррелирует с гипотезами исследователя А. В. Щербенка, рассматривающего творчество писателя сквозь призму упомянутой нами психоаналитической теории травмы. Гипотезы его заключаются в сочленении сорокинских приемов и травматической рефлексии: «Именно это мы и наблюдаем в сорокинских текстах – и отсутствие исторического развития, и повторяющаяся симптоматика, и обнаружение травматических противоречий в основе любого языкового мира. <...> Поэтому тексты Сорокина представляют собой артикуляцию российского исторического сознания, сформировавшегося на основании травматического опыта 80-90-х, который во многом предопределил и основные параметры этого сознания» [18, с. 211-213]. Не имея задачи интерпретации идей А. В. Щербенка, которые, на наш взгляд, имеют как слабые, так и сильные стороны, тем не менее подчеркнем, что при всей любопытности и, в целом, справедливости такой трактовки (к примеру, В. Г. Сорокин подчеркивал в интервью «Русскому журналу», что на его творчество повлияли собственные душевные и физические детские травмы, которых было достаточно много [9]) ученый не замечает сюрреалистично-абсурдистской природы творческого акта и творческого сознания писателя, предпочитая

рассматривать их лишь в психоаналитическом ракурсе. Однако все выделяемые З. Фрейдом черты травмы, переносимые А. В. Щербенком на творчество В. Г. Сорокина («нелокализуемость во времени», «проявляемость через навязчивое повторение и воспроизведение», «доступность для сознания только через ее символы», «недоступность для проработки и преодоления»), кроме последней, очевидно сопутствуют методологии и поэтике абсурдистики. В общем, весь диапазон абсурдистских в своей сути приемов и методов В. Г. Сорокина направлен в текстах «Первого субботника» на деструкцию «советского» и любого поработавшего сознание дискурса.

В ряде рассказов «Первого субботника» абсурдистская рефлексия соотносится с трактовкой препубертатных переживаний с их интересом к актам отправлений («Дорожное происшествие» [13, с. 250-251]), а также с возвратом к травматическому опыту, полученному в детстве (финализирующие рассказ «Возможности» повторения, ассоциативность конечных предложений рассказа «Памятник»).

В рассказе «Возможности» у гражданина, пришедшего домой после рабочего дня, в сознании созревают жуткие в своей абсурдности образы человеческих возможностей: «Что может человек? <...> Снять штаны, не снимая пальто? Поставить закипающий чайник в холодильник? Положить штаны на зажженную плиту? Положить сверху мясо? <...> Вынимать из двери холодильника яйца и равномерно бросать их на пол?» [Там же, с. 265-266]. Этот рассказ можно интерпретировать в русле деконструкции экзистенциальной абсурдистики. С ним явно коррелирует рассказ «Тополиный пух», где фигурирует «взбесившийся» профессор, избивающий и оскорбляющий жену, с которой, как может следовать из сюжета, прожил большую часть своей жизни. После слов об «относительности» всего сделанного («как много сделано, а кажется – ничего») следует своего рода экзистенциальное (или буддийское наизнанку) пробуждение профессора, постигшего абсурдность своего бытия как человека-функции, воспринявшего ясперсовскую «ясность» [20] (ср. также с рассказом «Морфофобия»). Через ощущение собственного нетождества, отказа от самоотождествления с социальными и т.п. ролями, которые дает рецепция абсурда, персонаж и читатель возвращаются в свое «дозволюционное», незамутненное цивилизацией состояние (в сорокинском варианте во многом физиологически мотивированное и персонифицированное в образе СССР).

Таким образом, путем абсурдистской деструкции советского дискурса достигается, во-первых, освобождение читательской рецепции от всякого тоталитарного дискурса (прежде всего советского) (все рассказы сборника); во-вторых, провозглашается возврат к целостному мировосприятию, в том числе к творческому слиянию субъекта и объекта («Желудевая падь», «Соревнование», «Кисет», «Обелиск», «Памятник» и др.); в-третьих, транслируется отказ от конвенционального самоотождествления с социальными ролями, актуализируемый в древних восточных учениях, в работах философов-экзистенциалистов и т.п. («Возможности», «Морфофобия», «Тополиный пух», «Памятник» и др.). В целом сорокинское воспроизведение советской тематики предполагает наличие определенного онтологического контекста, внутри которого происходит поиск и утверждение некоего глубинного смысла, приближающего к бытийной истине.

Список источников

1. **Беневоленская Н. П.** Роль ритуальных действий в творчестве В. Сорокина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. Вып. 111. С. 129-138.
2. **Бешукова Ф. Б.** Концептуализм (Соц-арт) в системе отечественной постмодернистской парадигмы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 10. С. 146-150.
3. **Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
4. **Кастанеда К.** Второе кольцо силы. Дар Орла. К.: София, 2014. 544 с.
5. **Ковалев М.** Международная конференция «Языки Сорокина: медиальность, межкультурность, перевод» [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2013. № 119. URL: <http://www.zh-zal.ru/nlo/2013/119/k46-pr.html> (дата обращения: 25.03.2019).
6. **Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б.** Словарь по психоанализу. М.: Высшая школа, 1996. 623 с.
7. **Марусенков М. П.** Раннее творчество В. Г. Сорокина в контексте его зрелых художественных исканий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение. Журналистика». 2008. № 1. С. 42-50.
8. **Моржухин В. А.** Поэтика жеста в «Военных рассказах» Павла Пепперштейна // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1. № 3. С. 186-190.
9. **«Насилие над человеком – это феномен, который меня всегда притягивал...»:** интервью Татьяны Восковской с Владимиром Сорокиным [Электронный ресурс] // Русский журнал. 1998. 3 апреля. URL: <http://old.russ.ru/journal/inie/98-04-03/voskov.htm> (дата обращения: 25.03.2019).
10. **Райх В.** Характероанализ: техника и основные положения для обучающихся и практикующих аналитиков. М.: Когито-Центр, 2006. 368 с.
11. **Сорокин В. Г.** Литература как кладбище стилистических находок / беседовала С. Рол // Постмодернисты о посткультуре. М.: ЛИА Р. Элинина, 1996. С. 119-130.
12. **Сорокин В. Г.** «Моя жена предпочитает Томаса Манна» / беседовала Ю. Рахаева // Известия. 2002. 18 февраля.
13. **Сорокин В.** Первый субботник. М.: Ад Маргинем, 2001. 312 с.
14. **Суворов А. А.** «Антилитература» Владимира Сорокина: читатель как объект троллинга // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика». 2017. Т. 17. Вып. 2. С. 209-215.
15. **Текст как наркотик: Владимир Сорокин отвечает на вопросы журналиста Татьяны Рассказовой** // Сорокин В. Сборник рассказов. М.: Руслит, 1992. С. 119-127.
16. **Фрейд З.** Собрание сочинений: в 26-ти т. М.: ВЕИП, 2005. Т. 1. Исследования истерии. 464 с.
17. **Хармс Д.** Случай и вещи. М.: Мировая классика, 2013. 416 с.
18. **Щербенок А. В.** Сорокин, травма и русская история // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 1 (17). С. 210-214.

19. Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза. М.: Академический проект, 2015. 400 с.
20. Ясперс К. Философия: в 3-х кн. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2012. Кн. 3. Метафизика. 296 с.
21. Caruth C. Unclaimed experience: Trauma, narrative, and history. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2010. 125 p.
22. Ritter H. Die Souveränität ist schweigsam. Nachlassendes Bedürfnis, Mensch zu sein: Georges Bataille, der Philosoph der Überschreitung // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1997. September 10.

ABSURDIST DESTRUCTION OF THE SOVIET DISCOURSE IN V. G. SOROKIN'S EARLY PROSE

Merkushov Stanislav Fedorovich, Ph. D. in Philology
Tver State University
stas2305@gmail.com

By the example of the stories from the collection "The First Community Workday" (1984), the paper analyses V. G. Sorokin's perception of the Soviet absurd in all its manifestations. Total destruction of the Soviet discourse occurs due to the wide usage of artistic devices typical of absurdist literature. The article shows that such interpretation of the Soviet theme causes the catharsis effect in a reader's consciousness and requires the explication of meta-text focused on finding and assertion of ontological and axiological meanings.

Key words and phrases: V. G. Sorokin; "The First Community Workday"; absurd; deconstruction; discourse.

УДК 82.93

Дата поступления рукописи: 03.07.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.10>

Статья посвящена идейно-художественному своеобразию рассказа Н. П. Вагнера «Новый год», ранее не являвшегося предметом глубокого целостного анализа со стороны современных теоретиков и историков литературы. Цель статьи – выявить особенности авторского мировидения. Разбираются художественные приёмы (языковые приёмы, приёмы сюжетосложения), канон рождественской истории как источник для сюжета и его трансформация в сюжете произведения, поэтика и истоки образов. Произведение Н. П. Вагнера сопоставляется с произведениями корифеев западноевропейской и русской литературы XIX века – Ч. Диккенса, Г.-Х. Андерсена, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова. В ходе исследования установлено, что усложненная жанровая структура текста, сочетающая в себе жанровые черты сказки, рождественского и назидательного рассказов, отвечает учительской установке автора: пробуждать добрые чувства и активизировать мысль юного читателя.

Ключевые слова и фразы: литературная сказка; рождественский рассказ; назидательный рассказ; концепты «младенец» и «старик»; структура сюжета повествования; мотивно-образная структура; интертекстуальные связи; Н. П. Вагнер; рассказ «Новый год».

Норина Наталья Викторовна, к. филол. н.

Соликамский государственный педагогический институт (филиал)
Пермского государственного национального исследовательского университета
nvp00@mail.ru

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАССКАЗА Н. П. ВАГНЕРА «НОВЫЙ ГОД»

Широко известный ученый-зоолог, член-корреспондент петербургской академии наук **Николай Петрович Вагнер** (1829-1907) в качестве оригинального писателя более всего известен русскому читателю под именем сказочника Кота-Мурлыки. Бесспорно, однако, и то, что не только сказки, но и остальное наследие этого незаурядного мастера отечественной прозы, оставшегося в течение долгого времени в забвении, достойно пристального читательского внимания и требует в наши дни полноценного изучения (речь идет о рассказах, повестях и романах писателя).

Обращение к творчеству Вагнера является **актуальным** не только ввиду недостаточной изученности современным литературоведением уникальности художественного мира сказок писателя, но и устойчивого интереса теоретиков и историков литературы к жанру литературной сказки, который получает новую интерпретацию на каждой новой стадии развития литературы. Разнородные в жанровом отношении сказки Вагнера требуют серьезного и вдумчивого критического осмысления. **Научная новизна** темы исследования связана с изучением одного из наиболее ярких произведений Вагнера с рождественской тематикой – рассказа «Новый год», входящего в сборник философских сказок и притч «Сказки Кота-Мурлыки» (1-е изд.: СПб., 1872; 10-е изд.: М. – Пг., 1923). Впервые предпринята попытка целостного рассмотрения данного произведения в единстве формы и содержания.

Современные Вагнеру литературные критики по-разному отзывались о сказках писателя. Одни восхищались их глубокомыслием, «неисчерпаемым богатством фантазии» и «чарующей прелестью языка» [8]. Другие критиковали «резонёрство и скудость воображения» автора [Там же]. Несмотря на существование отрицательных отзывов, многие критики всё же высоко оценивали сказки Вагнера и отмечали, что «по глубине мысли и художественности изложения» они не уступают произведениям Андерсена [2]. Расхождение